

Дзен-буддизм и психоанализ

Перевод Э. А. Гроссман

II. Духовный кризис и значение психоанализа	5
II. Ценности и задачи психоаналитической концепции Фрейда	7
III. Благополучие человека сквозь призму его психической эволюции.....	12
IV. Сущность сознательного. Вытеснение и преодоление вытеснения	20
V. Принципы дзен-буддизма	37
VI. Преодоление вытеснения и просветление	45

Психоанализ и религия

Перевод А. А. Яковлева

Предисловие	66
Проблема.....	66
Фрейд и Юнг	71
Анализ некоторых типов религиозного опыта.....	77
Психоаналитик – «врачеватель души».....	101
Психоанализ – угроза для религии?	121

Кризис психоанализа

Очерки о Фрейде, Марксе и социальной психологии

Перевод В. С. Кулагиной-Ярцевой

Предисловие	134
Кризис психоанализа.....	135
Фрейдова модель человека и ее социальные основы.....	164
Вклад Маркса в знания о человеке	179
Гуманистическое планирование	191

Эдипов комплекс: заметки по поводу случая маленького Ганса.....	199
Значение теории материнского права.....	208
Теория материнского права и ее соотношение с социальной психологией	212
Метод и функция аналитической социальной психологии	233
Психоаналитическая характерология и ее значение для социальной психологии	255
Эпилог.....	275

Дзен-буддизм и психоанализ

Zen Buddhism and Psychoanalysis, 1960

Дзен-буддизм возник на Востоке, психоанализ – на Западе. На первый взгляд, между двумя системами, порожденными различными цивилизациями, мало общего. Однако начиная с 30-х годов XX столетия последователи психоанализа все чаще и чаще обращали свои взоры к дзен-буддизму, а к концу 50-х многие стали его увлеченными сторонниками. Это происходило, вероятно, потому, что в центре внимания обеих систем – Человек; в одном случае его психическое, а в другом – духовное здоровье. В данной работе раскрываются точки соприкосновения дзен-буддизма и психоанализа.

Стремление к благополучию человека через изучение его природы – эта общая черта, присущая как дзен-буддизму, так и психоанализу, – наиболее часто упоминается при сравнении этих систем, отражающих особенности западного и восточного менталитета. Дзен-буддизм сочетает в себе индийское иррациональное начало с китайской конкретностью и реализмом. Психоанализ же, основываясь на западном гуманизме и рационализме, с одной стороны, и романтическом поиске неподвластных рациональному осмыслению таинственных сил, характерном для XIX века, – с другой, является феноменом исключительно западного мира. Можно сказать, что этот научно-терапевтический метод изучения человека есть плод греческой мудрости и иудейской этики.

Изучение человеческой природы в теории и перевоплощение человека на практике – пожалуй, одна из немногих черт, объединяющих психоанализ и дзен-буддизм. Различий же, очевидно, больше. Во-первых, психоанализ представляет собой научный метод, не имеющий отношения к религии. Дзен же с позиции западной культуры со своей теорией и методикой «просветления» человека выглядит религиозным, или мистическим, учением. Психоанализ – это терапия душевных заболеваний, а дзен – путь к спасению души. Итак, сопоставляя психоанализ и дзен-буддизм, разве мы не приходим к выводу, что в основе своей они не имеют ничего общего, а, напротив, принципиально отличаются друг от друга?

Несмотря на это, дзен-буддизм вызывает все больший интерес со стороны психоаналитиков*. Чем вызван этот интерес и какой он имеет смысл? Задача настоящей статьи – ответить на эти вопросы. Безусловно, здесь не будет представлено фундаментальное описание дзен-буддистского мышления – моих знаний и опыта для этого недостаточно. В то же время в данной статье я не ставлю задачу дать полное представление о психоанализе. Однако в первой части моей работы я подробнее остановлюсь на тех аспектах психоанализа, которые я назвал «гуманистическим психоанализом» и которые являются одним из продолжений фрейдовского психоанализа. Тем самым я

* См. «Введение» Юнга к книге D.T. Suzuki «Zen Buddhism» (London, Rider, 1949); посвященную дзен-буддизму работу французского психиатра Бенуа (H. Benoit. The Supreme Doctrine. New York: Pantheon Books, 1955); Карен Хорни проявляла большой интерес к дзен-буддизму в последние годы жизни. Взаимосвязь между психоанализом и дзен-буддизмом активно изучается в Японии: см. статью Koji Sato «Psychotherapeutic Implications of Zen» в журнале «Psychologia. An International Journal of Psychology in the Orient» (Vol 1. № 4, 1958) и другие статьи в этом же номере. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.

постараюсь объяснить, почему столкновение с дзен-буддизмом стало столь важным как для меня, так и, по моему мнению, для всех, кто имеет дело с психоанализом.

I. Духовный кризис и значение психоанализа

Изучая интересующий нас вопрос, в первую очередь необходимо обратить внимание на духовный кризис современного западного человека и психоанализ как один из инструментов преодоления этого кризиса. Большинство людей, принадлежащих к западной культуре, в той или иной степени испытывают на себе влияние кризиса, сами не осознавая этого в полной мере. Тем не менее специалисты вполне единодушны как в признании существования настоящего кризиса, так и в определении его сущности. Этот феномен определяется понятиями «нездоровье» (*malaise*), «скука» (*ennui*), «болезнь века» (*maladie du siècle*). Речь идет об апатии, автоматичности человека, самоотчужденности, потере связи с другими индивидами и природой. Рационализм ставился человеком во главу угла до того времени, пока не приобрел в высшей степени иррациональные черты. Эпоха Декарта положила начало четкому разделению мышления и чувства: мышление рационально, в то время как чувство само по себе иррационально. Воплощение одного лишь интеллекта, человеческая личность призвана осуществлять контроль над природой. Смыслом существования становится производство все возрастающего числа материальных ценностей. При этом человек сам превращается в вещь, а обладание – в смысл жизни. «Иметь» теперь важнее, чем «быть». В то время как совершенствование человека было смыслом существования в греческой и иудейской идеологии, основы которой свойственны западной цивилизации, современный человек считает целью своей жизни усовершенствование технологии производства вещей. Осознавая свою неспособность разрешить противоречие между мышлением и чувствами, человек западного мира охвачен беспокойством, он подавлен и пребывает в отчаянии. Если на словах он называет жизненными ценностями богатство, самобытность и предприимчивость, то в действительности он не имеет реальной цели в жизни. На вопрос о цели существования и смысле испытываемых им в жизни трудностей западный человек не сможет дать вразумительного ответа. Среди наиболее вероятных ответов – жизнь ради семьи, ради получения удовольствий, ради зарабатывания денег... В действительности же никто не видит реального смысла своей жизни. Опасность и одиночество – вот то, чего человек стремится избежать априори.

В наши дни принадлежность человека к Церкви становится в некотором отношении все более значимой, религиозные книги становятся бестселлерами, все больше людей обращаются к Богу. Однако эта видимая религиозность обусловлена в действительности отнюдь не духовными, а чисто материалистическими и нерелигиозными аспектами. Этот феномен можно рассматривать как вызванную конформизмом и стремлением к безопасности идеологическую реакцию человека на характерную для XIX века тенденцию, которую выразил Ницше: «Бог умер». Говорить об истинной религиозности здесь не приходится.

Произошедший в XIX веке отказ от теистических постулатов имел во многом прогрессивный характер. Понятие объективности стало определяющим: Земля больше не центр Вселенной, а человек – не «венец творения». Фрейд, исследуя скрытые мотивы поведения человека через призму новых жизненных реалий, пришел к выводу, что всепоглощающая вера в Бога основывалась на беспомощности человека, его незащищенности. При этом человек уповал на поддержку отца и матери, воплощаемых им в божественном образе. По мысли Фрейда, человек способен спасти себя лишь сам, в то время как наставления великих учителей и участие близких может лишь поддержать его, помочь принять вызов судьбы, чтобы приобрести силы для борьбы с жизненными невзгодами.

Человек больше не видит Бога в образе отца и утрачивает тем самым родительскую поддержку в его лице. Одновременно для него перестают существовать и истины постулатов всех великих религий. Речь идет о преодолении человеком эгоистической ограниченности, стремлении к любви, объективности, смирению и уважению к жизни – а это уже само по себе можно рассматривать как цель и как результат реализации человеком заложенного в нем потенциала, что составляет цель как великих западных, так и великих восточных религий. Отметим, что на Востоке отсутствовало понятие трансцендентального отца-Спасителя, свойственного монотеистическим религиям. Рациональность и реализм были присущи даосизму и буддизму в большей степени, чем религиям Запада. На Востоке человек добровольно, без принуждения присоединяется к «пробужденным», ибо каждый человек потенциально способен к пробуждению и просветлению. Именно поэтому восточное религиозное мышление, воплощенное в даосизме, буддизме и дзен-буддизме как их синтезе, имеет в наши дни столь большое значение для западной культуры. Благодаря дзен-буддизму человек оказывается способным найти ответ на вопрос о смысле своего существования, причем ответ этот в основе своей не входит в принципиальные противоречия как с традиционными иудео-христианскими представлениями, с одной стороны, так и с такими

ценностями современного человека, как рациональность, реализм и независимость – с другой. Таким образом, как это ни парадоксально, но восточные религиозные представления оказываются, в сравнении с западными, ближе по духу западному рациональному мышлению.

II. Ценности и задачи психоаналитической концепции Фрейда

Психоанализ представляет собой типичное проявление духовного кризиса западного человека и в то же время показывает возможность выхода из этого кризиса. Современные направления психоанализа – «гуманистическое» и «экзистенциальное» – служат тому ярким примером. Однако перед тем, как приступить к рассмотрению моей «гуманистической» концепции, я хотел бы подчеркнуть, что разработанная самим Фрейдом система не ограничивается, несмотря на широко распространенное убеждение, рамками понятий «болезнь» и «лечение». Она представляет собой в первую очередь концепцию спасения человека, а не лечения душевнобольных людей. При поверхностном подходе возникает ощущение, что Фрейд просто изобрел новый способ лечения психических заболеваний и что как раз это было основным предметом его исследований, став в итоге делом всей жизни ученого. Тем не менее при ближайшем рассмотрении оказывается, что медицинские подходы в лечении неврозов скрывают абсолютно другую идею, которую сам Фрейд редко формулировал в явной форме, а возможно, и не всегда ее осознавал. Что же это за идея? В чем заключается концепция «психоаналитического движения» Фрейда и что стало отправной точкой этого движения?

Можно сказать, что слова Фрейда «Там, где было Оно, должно стать Я» дают нам наиболее ясный ответ на этот вопрос. Фрейд ставил задачу подчинить иррациональные и бессознательные страсти разуму. По его мысли, человек в соответствии со своими возможностями должен освободиться из-под гнета бессознательного. Для того чтобы подчинить своей воле бушующие внутренние бессознательные силы и в дальнейшем осуществлять над ними контроль, он должен в первую очередь осознать сам факт их существования. Главным постулатом Фрейда, которым он всегда руководствовался, было оптимальное знание истины, а следовательно, знание реальности. Эта идея была традиционно свойственна рационализму, философии Просвещения и пуританской этике. Однако Фрейд стал первым (или, во всяком случае, он так полагал), кто не просто провозгласил как цель идею самоконтроля, как это делали западная религия и философия, а на базе исследования бессознательного на научной основе смог предложить путь к реализации этой цели.